

## **Originality of the Golden Age of Russian Literature in Reflections of the Silver Age**

**Koshemchuk Tatiana Alexandrovna<sup>1</sup>**

Professor of Saint-Petersburg Agrarian University  
St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: February, 2019; date of acceptance: May, 2019)

### **Abstract**

The article deals with the outlook of the Silver age on the phenomenon of Russian classics in comparison with previous criticism, with its love for people, social pathos and realism as the main value. It is shown that the distinguished features themselves marked out of the Russian classics as the stage of the Russian culture don't separate the representatives of two conflicting camps. The most important general motives are as follows: influence of Russian literature on the European; aspiration of literature to overstep itself – into life, in the moral sermon; literature as the reflection of the national soul; connection with a Christian ideal of the people; dramatic position of the Russian writer; insufficient attention to aesthetics. In the article is analyzed how these theses appear in different contexts of judgment (for example, in the polemic of D.S. Merezhkovsky and M.N. Michailivsky or D.S. Merezhkovsky and A.M. Skabichevsky). Comes to light that the differences depend upon radical opposition of atheistic and religious approach to the literature of the Golden Age.

**Keywords:** Golden Age, Silver Age, Religion, Materialism, Love for People, Moral Sermon, National Soul, Spirit of Time.

---

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru

## **Своеобразие Золотого века русской литературы в отражениях Серебряного века**

**Кошемчук Татьяна Александровна<sup>1</sup>**

Профессор Санкт-Петербургского аграрного университета,  
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: февраль 2019 г.; дата принятия: май 2019 г.)

### **Аннотация**

В статье анализируется взгляд Серебряного века на феномен русской классики – в сопоставлении с оценками предшествующей критики, с ее народолюбием, общественным пафосом и реализмом как главной ценностью. Показывается, что сами выделенные особенности русской классики как завершенного этапа русской культуры не разделяют представителей двух враждующих лагерей. Важнейшие общие мотивы таковы: влияние русской литературы на европейскую; стремление литературы за свои рамки – в жизнь, в нравственную проповедь; литература как отражение народной души; связь с христианским идеалом народа; драматизм положения русского писателя; недостаточное внимание к эстетике. В статье показывается, как эти тезисы в разных контекстах осмысления наполняются различным содержанием (например, в полемике Д.С. Мережковского и Н.М. Михайловского или Д.С. Мережковского и А.М. Скабичевского). Выявляется, что различия определяются радикальным противостоянием атеистического и религиозного подхода к литературе Золотого века.

**Ключевые слова:** Золотой Век, Серебряный Век, Религия, Материализм, Народолюбие, Нравственная Проповедь, Народная Душа, Дух Времени.

---

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru

**Введение**

Под символическим обозначением «Золотой век» русской литературы понимается здесь творчество величайших писателей и поэтов 19 столетия. Серебряный же век начался кратким периодом декаданса и стремительно вошел в свою основную фазу – символизм, во второй волне которого уже дал значительные плоды, а перестав существовать как литературное явление после русской катастрофы, был увенчан непреходящими творениями А. Белого, В. Иванова, М. Волошина. Серебряный век вновь утвердил как свою основу христианское мировоззрение, на чем стоял и Золотой век. В этом сущность и основа произошедшего, магистральная ось Серебряного века, начиная с творчества Д.С. Мережковского, – при многих болезнях роста, преодоленных и непреодоленных блужданиях. Осознанное и декларированное возвращение совершилось после полувекowego позитивизма и материализма, царивших в литературной критике, вообще в литературной среде. Поразительное явление: более полувека глубокая мировоззренческая пропасть разделяла великих писателей, укорененных в христианской традиции русской культуры, и воспринявших западный материализм и атеизм критиков. Важно подчеркнуть: Золотой век – не «литература» как целое, а поименно – ее гении. Собственно русскую «литературу» XIX в. Д.С. Мережковский не без основания вообще отрицал, утверждая лишь великих творцов и предсказывая, что создание ее как целостного явления впереди, а символизм есть лишь первая фаза. Но времени на продуктивный рост было отпущено Серебряному веку полтора десятилетия – трагически мало даже и при русских стремительных темпах – вхождения в европейскую культуру и утверждения в ней. Тем не менее, Серебряный век успел претворить в себе новую фазу европейской культуры – и осмыслить русский Золотой век. Свою классику он увидел как завершившийся великий период – извне, из новой культурной эпохи. Поколение символистов осознало себя ее наследниками – и творцами нового в процессе органического роста,

без разрывов. Бунт декадентов и символистов был направлен всецело на материалистическую и чуждую Золотому веку критику.

### **Основная часть**

Этот удивительный феномен – радикальное расхождение в религиозной сфере между великими писателями и известными критиками, задававшими тон в литературном движении 19 века, ярчайше выявился в конфликте Белинского с Гоголем. И далее все симпатии и неприятия со стороны критики, обличения и умолчания, кампании травли и превозношений – все это определяется жесткой оппозицией религиозного – и материалистического, позитивистского, атеистического. Этот феномен противостояния был осмыслен Серебряным веком: роль критики была выявлена как негативная, разрушительная, здесь коренится в значительной степени одиночество великих писателей и поэтов, трагизм их положения. Об этом говорил Д.С. Мережковский в докладе 1892 г. «О ...»: критика была вредна для литературы, жестока к писателям, и сами писатели пребывали в разобщенности между собой и в трагическом одиночестве. Примеры враждебности литературной среды к великим творцам, связанной в первую очередь с мировоззренческими разделениями, слишком хорошо известны: неприятие позднего Пушкина, травля Фета или Лескова...

Эту очевидность, разумеется, отмечали и критики 19 века – и мы сейчас фиксируем первый пример: представители двух поколений, «отцы»-материалисты из 19 века и «дети» рубежа веков, обратившиеся к идеализму и религии (эти тургеневские символические обозначения противостоящих поколений неизбежны в обрисовке ситуации), говорят об одном, но внутри одной темы акценты и оценки их противоположны. Так, «отцы» обвиняют самодержавие, российскую действительность, акцентируя трагические ранние смерти гениев. Символисты говорят о судьбе в целом (И.А. Бунин: жизнь жестока к русским писателям как нигде более. М. Волошин: «Темен жребий

русского поэта: / Неисповедимый рок ведет / Пушкина под дуло пистолета / Достоевского на эшафот...»), и конкретно о вине критики – не только о непонимании гениев, но, по Мережковскому, о журнальной деспотии, кружковщине и об упадке языка, «мнимо-сатирической манере, <...> литературной развязности дурного тона» (Мережковский 1995. 528), что разрушало атмосферу взаимодействия, сосуществования различного, так что между несхожими писателями «...не было той живой, терпимой и всепримиряющей среды, того культурного воздуха, где противоположные оригинальные темпераменты, соприкасаясь, усиливают друг друга и возбуждают к деятельности» (Там же. 525). Поэтому отталкивание от критики материалистической и позитивистской было для Серебряного века решительным и всеобщим. И дело не только в том, что «дети» отказывались от общественных и освободительных идеалов «отцов». Пришли в мир совсем иные души, с иными заданиями. Они, прежде всего, утверждали идеалистическое, а позднее христианское мировоззрение, они декларировали то, что являлось в творчестве не прикровенно, как у ряда писателей 19 столетия, но явно и даже нарочито. И прежде всего этот поворот обнаружился как раз в критической сфере, именно там, где сильнее всего ранее действовал материалистический импульс. Реакция же прессы – на стихи Н.М. Минского, стихи и статьи Мережковского, брюсовские сборники, на трактат Минского «При свете совести», провозгласивший необходимость философского идеализма, на созвучные статьи А.Л. Вольнского – развернулась во всеобщую травлю декадентов в 90-х годах. Можно только удивляться свирепости и жесткости этого неприятия: идеализм, мистицизм, тоска по религии вызывали острую реакцию возмущения в среде «отцов», у Н.М. Михайловского, А.М. Скабичевского, С.А. Венгерова (ограничимся здесь этими фигурами) – у этих демократов, проповедников свободы, гуманизма, народности, общественных идеалов. Удивительно то, что эти их ценности, всегда дорогие русским

сердцам, не терпели ИНЫХ рядом с собой. И ведь «отцы» на рубеже веков – отнюдь не ограниченные консерваторы и ретрограды, но сторонники свободы, не лишённые широты в охвате происходящего, умеющие понимать многое – но не мистицизм, не религиозную проповедь. Здесь камень преткновения. Даже в Достоевском эти критики принимают только отражение жизни, живые чувства, протест, но не обращение к христианству, в этом пункте – полное неприятие, осуждение или – умолчание. Мережковский объяснял: «До сих пор русские публицисты считали мистическое чувство явным признаком реакционных симпатий», «изменой либеральному знамени, даже отступничеством» (Там же. 559). И напрасно он выражал свое глубокое уважение к Михайловскому, называл его *безупречным рыцарем святого Духа* (словами Гейне), призывал «отцов» прислушаться к голосам «детей», пусть пока слабым, порой лишь *шепотом*, увидеть в них *новый момент развития*... Он не мог еще предьявить важнейшего аргумента в пользу «детей» – великих творений, и все же призывал к пониманию: «Живое взаимодействие, примирение прошлого и настоящего — вот величайшая основа всякой культуры» (Там же. 549).

Что же в ответ безупречный рыцарь освободительной идеи, Михайловский? В свою очередь, похвалив Мережковского в статье 1893 г. «Русское отражение французского символизма»: он *искренне любит литературу*, – критик обрушивает на него всю силу своих многоречивых сарказмов и несдерживаемое раздражение. Вот его ответ на личное обращение: «Что же касается адресованного ко мне приглашения прислушиваться к "шепоту" "современных русских писателей-идеалистов", то я затрудняюсь. <...> И, прежде всего, я не слышу "шепота". Напротив – гром и молния; гром не из тучи, конечно, а из среды самоуверенных до наглости, невежественных, неискренних и неблагодарных людей» (Михайловский 1989. 470). Вот как он характеризует «растрепанное мышление» Мережковского

(Михайловский 1989. 472) – стиль его мысли в целом: она *скачет как блоха, с капризной неожиданностью и несуразностью; ряд туманностей, полная беспорядочность, путаница, неясность и незрелость, бесчисленные противоречия*. К примеру, приведена цитата из Мережковского (здесь он как раз защищает Михайловского от молодого критика-отрицателя): «Едва ли не самый низменный и уродливый из человеческих пороков – неблагодарность. <...> Повторяю, в одном лишь из всех наших пороков – в неблагодарности есть какое-то противоестественное, несвойственное человеческой природе безобразие» (Мережковский 1995. 549). Ответная реплика Михайловского: «Сказать, <...> что неблагодарность есть худший из пороков, потому что она уродлива, – сказать что-нибудь подобное значит ровно ничего не сказать. Это, говоря, не помню чьим, картинным уподоблением, – наводнение слов в пустыне мысли» (Михайловский 1989. 460). И если критик раздражен «божественным идеализмом», обнаружением его у великих писателей, то особенно противен ему мистицизм, – он берется учительно рассуждать о сущности религии и о мистицизме... очень невпопад! – так, сама религия, говорит он, все же полезна: *учит жизни*, ее «смысл и задача» – воспитывать «нравственное чувство» (Там же. 465), впрочем, она есть «давно высохшая пустыня» (Там же. 474), а мистицизм «тушит светоч религии», уводит туда, «где "леший бродит, русалка на ветвях сидит" ...» (Там же. 476). А если критик стремится разоблачить религиозную идею оппонента, например, концепцию *святой плоти* у Мережковского, то сознательно игнорирует в ней религиозное (объявив о нежелании касаться этого аспекта – как чуждого) и, тем самым, сводит ее к *законности требований плоти* – то есть к банальности – созданной им же самим.

Подобное же, еще ярче и изумительнее, еще неосновательнее, можно наблюдать и в полемике, точнее, в брани Скабичевского в адрес Мережковского: те же высокомерные упреки в *путанице*, в *непонимании*, что

*он сам хочет сказать.* И этот «отец» обрушивает бессильный поток раздражения на блудного «сына», принявшего и выдержавшего удар целой «прессы» (бранились все). Ситуация разительна в силу совершившейся рокировки: Базаровы стали «отцами», носителями журнальной власти, куда более деспотичными, чем прежние мягкотелые, но всё мало сведущими, а «дети» – для начала «гегелистами», и иные весьма углубленными философски, выучившимися, твердыми в убеждениях и вере (не то что прежний Базаров, с его брошюрами). В случае Мережковского со Скабичевским «сын» отозвался об «отце» весьма не деликатно: написал о *пошлости* суждений Скабичевского. Мережковский дал образ, картину художника-реалиста: «...мастеровой, с угрожающим видом и поднятыми кулаками стоит на пороге кабака. Он хочет войти, но женщина с растрепанными волосами и неестественно трагическим лицом, вероятно, жена мастерового, не пускает мужа. <...> она всем телом своим закрывает дверь кабака. К довершению условного трагизма за лохмотья несчастной матери цепляется испуганный ребенок...» (Мережковский 1995. 532). Во всем этом *общедоступный, банальный трагизм*, с аристократической брезгливостью отринутый «детьми». Мережковский предполагает: «Я уверен, что если бы среди публики, перед картиной, находился г. Скабичевский, чувствительное сердце почтенного критика также было бы тронуту...», он похвалил бы художника «за теплое отношение к народу, за поразительную искренность непосредственного чувства, за трезвость здорового реализма». И далее презрительное: «Не знаю, как у других, но у меня при подобных похвалах является непобедимое озлобление против несомненных добродетелей. <...> О, вечное умиление толпы перед любезною ей пошлостью популярно великих идей!» (Там же. 532).

Скабичевский отвечает потоками насмешек и сарказмов. Так, Мережковский о своей книге «Вечные спутники»: это ряд очерков, галерея разных имен, *тихих спутников жизни* в дневнике читателя, связь их – в «я»



автора. Скабичевский (в анонимной рецензии): «... действительно, порядочная-таки мешанина» (Скабичевский 1897. 61). И перл критического острословия: «... курьезнее же всего, что в число великих писателей, тихих спутников г. Мережковского, попал вдруг и афинский Акрополь, так что оказывается, что Акрополь вовсе не пребывает в неподвижности близ Афин, а сопутствует г. Мережковскому в его земных скитаниях...» (Там же. 62). Далее критическое великодушие: «А мне глубоко жаль г. Мережковского. У него нет недостатка в начитанности...», в его книге даже *есть несколько неплохих страниц...* но и в них «невообразимый сумбур, господствующий в его мыслительных отправлениях», «непроницаемый туман мистико-символо-декадентских фантазий», до смысла которых «нет никакой возможности добраться» (Там же. 62). И так на десятках страниц.

Мы обращаемся к следующему, общему для двух станов, тезису и видим, как сказывается этот *мистический туман...* Одна из характеристик Золотого века: в его творениях выразились душа и дух народа. О душе и духе народа – вслед за немецкими романтиками – говорили на протяжении всего 19 века, но в повороте от романтизма к прагматизму слова эти звучали как красивая метафора, – не более. Мережковский же заговорил о реальной властительной силе, двигающей культуру. Для Скабичевского смысл, вложенный Мережковским, звучал как *мистические темные бредни* для ясного и четкого сознания человека гуманного, демократичного и культурного. Но ощущение «трепета жизни», «творческого дуновения» (Мережковский 1995. 525) в культуре Афин, Флоренции, Веймара, Парижа есть подлинное переживание для Серебряного века, ждущего *сошествия народного духа* и на русскую литературу.

Но еще менее приемлемым, чем собственные мистические и религиозные чувства и мысли было для рыцарей народнического движения – открывание «детьми» мистического и религиозного в великих русских писателях. Новое

поколение, с чуткостью в восприятии духовного, в отличие от «отцов», по признаку избирательного сродства присвоило себе увиденное ими в Золотом веке, они объясняли именно религиозное, сокровенное в литературном творчестве, взяли это как свое, как бесценное наследство. «Отцы» же терпели религиозное лишь в том случае, если его можно было свести к общественному и нравственному. Так, Скабичевский не отрицал учения славянофилов, хотя они, по его мнению, *ошибались во многом* (относительно России и Европы), но они требовали свободы личности! А их проповедь покаяния он принимал как отказ от своей неправды... Так Михайловский мог принять Чехова, тоже представителя молодого поколения – из-за отсутствия религиозного, даже при отрицании проповеди и общественного служения: найдите у Чехова хоть что-нибудь мистическое! – с торжеством восклицает он.

Еще один общий тезис, очевидный с обеих точек зрения: русская литература молода, вообще Россия – молодая страна, недавно вышедшая на европейский уровень и уже достигшая вершин, Европе недоступных. Эту мысль подробно развивает Скабичевский в «Истории новейшей русской литературы», говоря о *духе времени*... – это для него не что иное, как метафорическое обозначение для слова «особенность». По Скабичевскому, в духе времени – *народность* и *натуральность*, и русская литература стала выше, чем европейская, именно потому, что в ней больше народности и натуральности. Он отмечает: в период Пушкина, Лермонтова, Гоголя для Европы русская литература лишь любопытное явление, ибо в ней нет «великих роковых вопросов жизни, какие волновали в то время Европу» (Скабичевский 1891. 4). Но *кружки* этого периода приучили русскую мысль к самостоятельности, освободили умы от традиции, немецкая метафизика вывела их на «свежий воздух реального положительного мышления» (Там же. 10), а французская философия привела к общественным вопросам, к главному в «работе века». Отсюда и оценка: во второй половине 19 века в России

развиваются идеи народного благосостояния и «искреннее покаяние в вековых неправдах» – вот что ставит нас выше Европы. И С.А. Венгеров видит в русской литературе новое слово для Европы – в ее общественном служении. «Русское влияние стало видным явлением европейской литературной жизни» (Венгеров 1909. 7), – констатирует он в 1897 году, ставит русский реализм, в котором сказалось новое слово «вчерашних варваров» (Там же. 9), выше европейского.

Молодость русской души и русской литературы, по сравнению с европейской, – очевидность для нового поколения. Мережковский говорит об этом и смотрит в будущее, осмысляя значение русской литературы, исходя из тех же понятий духа времени и гения народа – как высших реальностей, которые творят культуру: «На всех созданиях истинно-великих культур, как на монетах, отчеканен лик одного властелина. Этот властелин — гений народа» (Мережковский 1995. 525). Мережковский размышляет об *огромной* задаче созидания нового идеализма, ибо дух нового времени, изменившийся, требует именно этого, впереди — огромная *переходная и подготовительная работа* для вступления из периода *непосредственного и стихийного* в период *критический и сознательный*.

Близок к этому и А. Вольтинский, выступивший в 90-ые годы 19 века – с проповедью философского идеализма, выявляя религиозное начало в русской классике как отражение народной души, – в сравнении с европейской. В очерке «О Достоевском. (В купе)» он предлагает свои мысли в разговоре немца, читающего Достоевского, и русского. Тезис первого: при всей гениальности Достоевский *склонился* перед «традиционной моралью и устаревшими преданиями» (Вольтинский 1900. 2), и в целом русские погрязли в «предрассудках», «суевериях» и «банальности» (Там же. 3) – под этими словами подразумевается христианство. А русский «рахитизм» в области ума проявился в мистицизме – «болезни темных чувств, ведущих борьбу с ясным и

светлым сознанием» (Там же. 4). Так в позиции немца-позитивиста Вольтер дает характерную черту европейской культуры – отказ от религии. На что русский возражает: это *банальность* всего русского народа, всей России – и чувствительность русской литературы к христианству есть «ее лучшее богатство» (Там же. 3). «Знаете ли, что сделала для культурного человечества Россия? Она лепетала о том, для чего нет никаких определенных слов» – таков ответ русского: ее литература в эпоху европейского позитивизма говорила о Боге и мире, о «тайне, которая облакает жизнь» (Там же. 4).

Творцы эпохи символизма многообразно варьируют этот круг мыслей: так, по В. Иванову, русская культура, стремительно творящая себя, разворачивает свои внутренние силы, она показала огромный рост от Пушкина к Достоевскому. Мережковский называет будущее русской культуры *эпохой грядущего идеализма*, В. Иванов – *будущей органической эпохой, эпохой синтеза*. Оценка же прошлого высока: в том, что обозначено «отцами» как выход к европейским высотам и даже превосхождение их, В. Иванов видит подъем *до высот вселенского эпоса*, а Мережковский – *всечеловечность литературы*, Блок назвал итог предшествующего века – *священной русской литературой*, и все они видят выражение духа времени в метафизических и религиозных исканиях великой русской литературы.

Из общих мотивов в критике «отцов» и «детей»: русская литература – более чем литература. Венгеров продолжает: это кафедра, с которой говорится учительное слово, главное в ней – общественное служение и нравственная проповедь. О том же иные критики из лагеря «отцов» (А.М. Скабичевский, Е.А. Соловьев-Андреевич, А.Н. Пыпин) – и о том же Минский: главное в литературе – народолюбие, практический религиозный идеализм, требование любви к ближнему. Схождение лишь внешнее: Минский нравственное превращает в религиозное, а «отцы», порой упоминающие о религиозном в связи с проповедью литературы, религиозное сводили к нравственному. Так,

Е.А. Соловьев-Андреевич («Опыт философии русской литературы»): главное в литературе – проповедь христианской любви к ближнему, жалости, нравственная проблематика, христианская мораль. Во всем этом он усматривает полезные идеи, а вне этого религию воспринимает как источник догматизма и доктринерства, принижения личности, во влиянии запада же видит толчок к утверждению личности. Воспринявшая этот толчок литература и есть, по Соловьеву-Андреевичу, более чем литература, она есть борьба за свободу личности против официальной народности и государства.

Любопытна попытка Венгерова разрешить вопрос религии для русской литературы. Он использует религиозные понятия для воспевания общественного духа литературы – «Духа Святого русской литературы» (Венгеров 1909. 47), и ее исконным путем считает *религию добра*. «Быть добрым, а не злым» – это для него религия интеллигенции, а «категорический императив нравственности» (Венгеров 1909. 51) и есть истинная религия, связь с вечностью. Содержание же веры значения не имеет, утверждает он, главное – *готовность к жертве*. Подобные суждения более чем характерны. Не случайно Минский обобщает: народолюбие есть источник нашей философской бедности, *плачевности* нашей философии. Ведь, его словами: *мы ищем в любой теории только нравственной идеи*: практическому народолюбию не нужно метафизики. Минский убеждает в противоположном, задавая иной импульс народолюбию Серебряного века: и народ думает о Боге и смысле жизни, а философская продуманность идеала способствует практической деятельности.

Русская литература – с позиции Серебряного века – более чем литература, ибо всегда выходит за свои пределы, в жизнь, в философию, в богословие. Порой ее характерной чертой становится и бунт против культуры, уход в живую проповедь, в религиозное дело. Мережковский: эта проповедь мистична, в ней живая связь с Евангелием. Литература Золотого века

воспринимается как отражение души народа – именно в ее религиозной составляющей; Бог в народной душе – ее основное содержание; первостепенна связь с Христом, с Евангелием, с Софией. Блок: главная русская тема – религиозная, лучшие русские писатели – мыслители и философы, именно здесь скрыт огонь, питающий русскую литературу. Белый: религиозный смысл проповеди русской литературы открыл именно символизм.

С выходом русской литературы за свои пределы оба лагеря связывают и такую черту ее, как недостаточное внимание к эстетике, к красоте формы... и здесь на различия в трактовке темы можно лишь указать, подчеркнув задание Серебряного века – преодоление этой недостаточности.

Наконец, еще раз о ключевом аспекте в критике 19 века: народолюбие русского Золотого века. Серебряный век видит иначе: стремление к народу в литературе есть не забота о его благополучии или освобождении, как писали критики-«отцы», но, по В. Иванову, есть стремление к его религии, и через народ – стремление к Богу, и Мережковский формулирует двойное: через народ к Богу, и через Бога – к народу.

Глубокое различие в подходе к народу соответствует столь же непреодолимым расхождениям в понимании истории русской литературы. «Отцы» именно идеи, освободительные и материалистические, ставили в основу истории литературы, и потому Михайловский ее сводил к истории журналистики, а Скабичевский рассматривая, как «дух времени» отразился в критике. Соловьев-Андреевич: история литературы не *история генералов*, а борьбы за освобождение личности, борьбы с крепостным правом. О том же Венгеров: история русской литературы пишется не по именам и не по стилям, а *по кругу идей*, которые владеют умами. «Дети» же, осмысляя свои корни – историю литературы, искали в ней историю прозрений и откровений, постижения народного духа и воплощения его в художественных формах. Но никак не идей, проповедуемых критиками и журналами. О том лишь с

горькими нотами: поклонение чужим богам, служение чужим идеям. А своей задачей видели разъяснение религиозных, философских глубин и художественных достижений Золотого века и развитие их духовных и символических потенций в собственном творчестве.

Тем не менее, последний из «отцов», самый снисходительный к «детям», С.А. Венгеров в эссе «Победители или побежденные?» утверждает: «дети» в пору «синтетического модернизма» вернулись на исконные пути русской литературы – к общественному служению. Это была попытка примирения поколений – вопреки всем острым разногласиям и взаимным отрицаниям. Попытка понимания сделана и Соловьевым-Андреевичем, он усмотрел переход от неприемлемых для него декадентов к терпимым символистам в таком ключе: бывшие нищанцы делают вдруг «религиозно-философский прыжок мысли к обновленному христианству». Казалось бы, понят нерв новой эпохи, но... расцнен как новое «славянобесие и православнобесие» (Соловьев-Андреевич 8, 343) вчерашних нищанцев (тогда как предлагаемый им выход – в марксизме). У Венгерова иначе: престарелый и верный своим идеалам «отец» говорит о плодотворности возврата блудных «детей», видя в этом исток их успехов – уже действительных, несомненных художественных достижений! Впрочем... не совсем вернувшихся, этих «мечтателей», но *не аполитичных* же, хороших в сущности «детей», *не аморалистов*, они ведь «наоборот, целомудренны» (Венгеров 1909, 43), а главное, проповедники, все уже несут учительное слово! Так, опираясь на действительный выход символистов и к политическим и общественным проблемам, Венгеров утверждает свою правоту: он, критик, *предупреждал* об опасностях *кощунств* и *измен* и он победил! Точнее, в его трактовке, победил сам освободительный дух русской литературы, вернул к поиску правды – «опасность миновала!» (Там же.) – восклицает критик. Таким натянутым и немужественным признанием можно завершить историю борьбы «отцов»-материалистов с

«детьми», обращенными к религии.

### **Заключение**

Исходный тезис – возвращение Серебряного века к Золотому в его духовных основаниях, к христианству как его основе (при всех множественных боковых ходах и при всех издержках). Оно действительно состоялось и принесло плоды. Но это было возвращением не только к Золотому веку, но и к русской демократической критике, что провозгласил Венгеров (и это можно расценить как один из боковых ходов). Мережковский не зря взывал, вслед за Тургеневым, к соединительному «и» между *отцами* и *детьми*. И вот принятое наследие этих «отцов» – увлечение русских символистов также и освободительными идеями, политикой, русской революцией, – оказалось наследием недобрым, об этом впоследствии, после русской катастрофы, уцелевшим – пришлось горько раскаиваться.

Но осмысление Серебряным веком Золотого было плодотворным: символисты увидели в нем то, что было сокрыто от глаз критиков революционно-демократического атеистического направления, а именно его духовную природу. Именно это направление продолжилось и принесло итоговые плоды уже в философской критике русской эмиграции.

### **Литература**

- 1- Венгеров С.А. (1909). *Основные черты истории новейшей русской литературы. 2 издание. С прибавлением этюда «Победители или побежденные?» (О модернизме)*. СПб., типография т-ва «Обществ. польза».
- 2- Волынский А.Л. (1900). *О Достоевском. (В купе)*. // Волынский А.Л. *Борьба за идеализм. Критические статьи*. Издание Н.Г. Молодцова. СПб.
- 3- Мережковский Д.С. (1995). *О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы* // Мережковский Д.С. *Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники*. М., Изд-во «Республика».



- 4- Михайловский Н.М. (1989). *Русской отражение французского символизма* // Михайловский Н.М. *Литературная критика: статьи о русской литературе XIX – начала XX века*. Л., Изд-во «Худ. лит.»
- 5- Скабичевский А.М. (1891). *История новейшей русской литературы (1848–1890)*. СПб., типография газеты «Новости».
- 6- Скабичевский А.М. (1897). *Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Д. С. Мережковский*. СПб., 1897 г. // Новое слово. 1897. № 5. Май. Рубрика «Новые книги».
- 7- Соловьев-Андреевич Е.А. (1909). *Опыт философии русской литературы*. СПб., т-во «Знание».

### Bibliography

- 1- Vengerov S.A. (1909). *Osnovnye cherty istorii novejshej russkoj literatury. 2 izdanie. S pribavleniem jetjuda «Pobediteli ili pobezhdennye?» (O modernizme)*. SPb., tipografija t-va «Obshhestv. pol'za».
- 2- Volynskij A.L. (1900). *O Dostoevskom. (V kupe)*. // Volynskij A.L. *Bor'ba za idealizm. Kriticheskie stat'i*. Izdanie N.G. Molostvova. SPb.
- 3- Merezhkovskij D.S. (1995). *O prichinah upadka i o novyh techenijah sovremennoj russkoj literatury* // Merezhkovskij D.S. *L. Tolstoj i Dostoevskij. Vechnye sputniki*. M., Izd-vo «Respublika».
- 4- Mihajlovskij N.M. (1989). *Russkoj otrazhenie francuzskogo simvolizma* // Mihajlovskij N.M. *Literaturnaja kritika: stat'i o russkoj literature XIX – nachala XX veka*. L., Izd-vo «Hud. lit.»
- 5- Skabichevskij A.M. (1891). *Istorija novejshej russkoj literatury (1848–1890)*. SPb., tipografija gazety «Novosti».
- 6- Skabichevskij A.M. (1897). *Vechnye sputniki. Portrety iz vsemirnoj literatury. D. S. Merezhkovskij*. SPb., 1897 g. // Novoe slovo. 1897. № 5. Maj. Rubrika «Novye knigi».
- 7- Solov'ev-Andreevich E.A. (1909). *Opyt filosofii russkoj literatury*. SPb., t-vo «Znanie».

#### HOW TO CITE THIS ARTICLE

Александровна Т. (2019). Originality of the Golden Age of Russian Literature in Reflections of the Silver Age. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 7(2), 63-79.

DOI: 10.29252/iarll.13.2.63

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/80>



## ویژگی‌های عصر طلایی ادبیات روسیه از دریچهٔ عصر نقره‌ای

تاتیانا آلکساندروونا کاشمچوک<sup>۱</sup>

استاد گروه زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی کشاورزی سن‌پترزبورگ،

سن‌پترزبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: مه ۲۰۱۹)

مقاله حاضر به تحلیل دیدگاه عصر نقره‌ای دربارهٔ ادبیات کلاسیک روسیه در مقایسه با ارزیابی دیدگاه‌های انتقادی پیشین، عشق به مردم، ارزش‌های والای اجتماعی و واقع‌گرایی به عنوان ارزش اصلی می‌پردازد. در مقاله نشان داده شده است که ویژگی‌های ادبیات کلاسیک روسیه به عنوان یک مرحلهٔ کامل از فرهنگ روسیه، محل اختلاف نمایندگان دو دیدگاه مقابل هم نیست. مهم‌ترین ویژگی‌های مشترک عبارتند از: تأثیر ادبیات روسیه بر ادبیات اروپا؛ گرایش ادبیات فراتر از چارچوب خود (گرایش به زندگی، اخلاق و معنویات)؛ ادبیات به عنوان بازتاب روح مردم؛ ارتباط با آرمان‌های مسیحی مردم؛ نمایش مشکلات و سختی‌های نویسنده روسی؛ توجه کم به زیبایی‌شناسی. در مقاله حاضر نشان داده شده است که چگونه این موضوعات در آموزه‌ها و اندیشه‌های نویسندگان مختلف مفاهیم و معانی گوناگونی پیدا می‌کنند. (به عنوان مثال در بحث‌های د.س. مرژکووسکی و ن.م. میخایلکووسکی، یا د.س. مرژکووسکی و آ.م. سکایپچوسکی). مشخص می‌گردد که تضاد و تقابل ریشه‌ای دیدگاه‌های آنتیستی و مذهبی به ادبیات عصر طلایی تعیین‌کننده این نوع تفاوت‌هاست.

واژگان کلیدی: عصر طلایی، عصر نقره‌ای، دین و مذهب، مادی‌گرایی، عشق به مردم، موعظهٔ اخلاقی، روح و روان مردمی، ویژگی زمان.